

— Что случилось? — Ци Линь, не отрывая взгляда от дороги, спросил.

— Ничего, — голос Юй Ханя слегка дрожал. Он поспешно покашлял, делая вид, что першит в горле, и не мог удержаться, чтобы не украдустить взгляд на Ци Линя.

Они не виделись целых четырнадцать лет. В то время Ло Шэнда служил управляющим в доме Ци, а Юй Хань рос в их семье. Когда родился Ци Линь, Юй Ханю было три года, и он смутно помнил тот оглушительный рев младенца. Позже Ци Линь подрос, превратившись в прекрасного, словно выточенного из нефрита мальчика, нравившегося всем, но при этом всегда хмурившегося. Люди просто обожали его дразнить. Юй Ханю он тоже нравился — казался таким красивым и милым. Юй Хань всегда чувствовал себя старшим братом, вертелся вокруг маленького Ци Линя. Ци Линь же, хотя ничего не говорил, очень к нему привязался. Куда бы ни шел Юй Хань, он следовал за ним, а когда тот уходил в школу, устраивал истерики, требуя, чтобы его тоже взяли. Однажды, прямо посреди урока, классный руководитель вызвал Юй Ханя из класса: няня, не справившись с капризами Ци Линя, притащила его в школу лишь на один взгляд на Юй Ханя.

Последнее воспоминание о Ци Лине у Юй Ханя осталось с того дня, когда ему было пятнадцать и он уезжал с отцом из дома Ци. Тогда Ци Линю было двенадцать, он еще не вырос, оставаясь ребенком с чистым личиком и всегда серьезным выражением лица, в аккуратном костюме частной школы. Он бесстрастно смотрел, как Юй Хань собирает вещи, а затем вернулся в свою комнату и громко хлопнул дверью. Несмотря на уговоры родных, он больше не выходил.

Тот пухленький Ци Линь с ямочками на тыльной стороне ладошки, который под светом лампы старательно выводил буквы за буквами, вырос. Как же этому не удивляться?

Расстояние между больницей и ритуальным залом было небольшим, и пока Юй Хань предавался воспоминаниям, время пролетело незаметно. Ци Линь припарковал машину во дворе больницы, вышел, раскрыл зонт и помог Юй Ханю выбраться. Тот, опираясь на его руку, попытался встать, но вдруг резкая боль пронзила низ живота, и он начал оседать на землю. Ци Линь инстинктивно потянулся его поддержать, но от этого движения Юй Хань показалось, будто его разрывают надвое. Едва зажившая рана, должно быть, лопнула. Боль была настолько острой, что перед глазами все потемнело, и он, вцепившись руками в руку Ци Линя, вырвался сдавленный стон.

— Что с вами? — нахмурился Ци Линь.

Юй Хань не мог говорить от боли, но по его виду было все ясно. На улице все еще лил дождь, и, видя, что тот идти не может, Ци Линь просто взял его на руки и широким шагом направился в больницу.

Юй Хань, едва соображая от боли, все же находил силы думать: он в детстве так часто носил Ци Линя на руках, а теперь вот выпала шанс оказаться в его объятиях... У Ци Линя была широкая грудь, он держал его уверенно и твердо, шагал быстро, но не сбиваясь с ритма. Однако наслаждаться моментом пришлось недолго — едва они вошли в холл, как медсестра уже подкатила коляску и усадила его туда.

Медсестра отвезла его в лифт и поднялась на верхний этаж, в палату.

В палате уже было несколько человек. Юй Хань сбежал из больницы — после операции прошло всего десять дней, и рана еще не зажила настолько, чтобы можно было ходить. Сиделка, вернувшись с завтраком и не обнаружив его, сразу запаниковала. Она бросила все и бросилась на поиски — она не знала подробностей о подопечном, но по уровню палаты и расходам

понимала, что человек это важный и его нельзя терять. Она спросила у дежурной медсестры, но ничего не узнала и тут же позвонила нанимательнице Сюй Мэй. Сюй Мэй, услышав новость, оставила все дела и примчалась, с лицом мрачнее тучи. Она потребовала записи с камер наблюдения и только что выяснила номер такси, в который уехал Юй Хань, как тут же вернулся он сам в сопровождении Ци Линя.

Сюй Мэй полагала, что Юй Хань сбежал, узнав, что она отказалась подписать согласие на операцию той ночью. Если так, то сбежав, он мог пойти и сделать аборт. В таком случае все ее старания пошли бы псу под хвост, чего она допустить не могла. Она уже планировала, как только его поймают, сразу забрать домой и держать под круглосуточным надзором до самых родов. Поэтому лицо у нее было настолько зловещим, что все в палате дрожали как осинового листья, боясь, как бы госпожа не обрушила свой гнев — никому бы не поздоровилось.

И в этот момент дверь открылась, и вошел Ци Линь.

Сюй Мэй, обернувшись, удивилась его появлению. Ци Линь никогда не проявлял интереса к женьтебе и детям, и только в прошлом году, когда у отца обнаружили неизлечимую болезнь, он под давлением Сюй Мэй согласился на ребенка. Он совершенно не интересовался этим делом и никогда не навещал, но когда Юй Хань попал в больницу в тяжелом состоянии и чуть не умер, ему сообщили об этом, и между матерью и сыном возникла огромная трещина.

Тогда Сюй Мэй была в ярости:

— Почему я не должна была отказаться от этого ребенка? Сколько я умоляла тебя об этом ребенке? Если бы ты нормально женился и завел детей, стала бы я на это? Ци Линь, не будь таким эгоистом! У твоего отца осталось совсем немного времени, и это его единственное желание!

Ци Линь ответил:

— Желание отца — это желание, а чужая жизнь — разве не жизнь?

Сюй Мэй закричала:

— Я заплатила ему деньги! Без этих денег его отца бы избили до полусмерти коллекторы! В договоре черным по белому написано: все решения за мной, и он берет на себя все последствия!

— Деньги, — холодо усмехнулся Ци Линь. — Кроме денег, ты ничего не видишь.

— Что, вырастила тебя в золотой клетке, а ты возомнил себя аристократом, которому не знакомы земные заботы? Как бы там ни было, я выиграла — и мать, и ребенок целы. Юй Хань чудом выжил, я его не обижу.

Ци Линь не выдержал:

— Не надо твоих «благ»! Кто знает, доживет ли он до них с тобой. Я отец ребенка, и теперь Юй Хань под моей опекой.

Сюй Мэй, конечно, была против, но у Ци Линя были рычаги воздействия посильнее. Он действовал быстро и решительно, оформил нотариальную доверенность и передал все права опеки себе.

Теперь, увидев Ци Линя, Сюй Мэй раздраженно произнесла:

— Вспомнил, что у тебя есть ребенок? Жаль только, что под твоим надзором он сбежал через пару дней. Ты такой умный, так найди его сам!

Ци Линь бросил на нее взгляд, ничего не ответил и отступил в сторону. В комнату вошла медсестра, везя коляску, на которой сидел Юй Хань.

Рана Юй Ханя не зажила, и ему полагалось лежать в постели. После всей этой дороги она, должно быть, разошлась. Он страдал от сильной боли в животе, лицо было мертвенно-бледным, руки судорожно сжимали подлокотники коляски, и выглядел он очень слабым. Люди в палате, забыв обо всем на свете, поспешили переложить его на кровать. Врач, осмотрев, подтвердил расхождение швов и срочно отправил его в операционную зашивать заново.

В коридоре перед операционной Сюй Мэй была в ярости:

— Куда он ходил, что довел себя до такого состояния? Тело еще не окрепло, а он уже шляется бог знает где! Да его надо запереть!

Ци Линь тоже не ожидал, что пара шагов и минутное ожидание могут привести к такому. Он вспомнил, как при въезде в больницу они переезжали «лежачего полицейского» и Юй Хань, кажется, сдержал стон. Ему стало даже немного неловко — он-то думал, что Юй Хань сбежал из больницы ради встречи с ним, и, судя по всему, из-за этого сильно пострадал. Но чувство вины не меняло его отношения к словам матери, и ссориться у дверей операционной он не хотел. Он лишь нахмурился и промолчал.

Некоторое время спустя операцию закончили, и Юй Ханя вернули в палату. Сюй Мэй не унималась и требовала, чтобы Юй Хань сказал, куда он ходил. Юй Хань, обессиленный болью, не мог выдать ни слова и умоляюще посмотрел на Ци Линя. Ци Линь, сидевший в стороне и отвечавший на письма в телефоне, словно почувствовав этот взгляд, обернулся. Увидев лежащего на кровати Юй Ханя с влажными от слез глазами, смотрящими на него с мольбой, он ощутил странный укол в сердце.

— Я забрал его, чтобы подписать документы.

Хотя Юй Хань и не знал, как найти Ци Линя в ритуальном зале, тот решил прикрыть его. Если бы Сюй Мэй узнала, что он сбежал из больницы, чтобы искать его, начались бы бесконечные допросы и скандалы. В конце концов, это была его родная мать, и каждый день ссориться с ней было утомительно.

— Ты забрал его и даже не удосужился сказать мне?

— Только для подписи.

— Для подписи? И из-за какой-то подписи он разорвал рану!

<http://bllate.org/book/16423/1488129>